

Инбао уже умирала однажды и перерождалась, возвращаясь к тому моменту, когда ее впервые нашел Папаша Цзян.

Она чувствовала себя одновременно счастливой и напуганной.

Она была рада вернуться к родителям и снова стать беззаботным и желанным ребенком.

Но она боялась, что через несколько лет эта семья снова заберет ее и заставит снова пойти по пути прежней жизни.

В эту эпоху церемониальных законов, связывающих монархов и министров, отцов и сыновей, она была просто женщиной без прав, ограниченной родством, сыновней почтительностью и общественными нормами, не имеющей возможности защитить себя.

Даже если ее биологический отец когда-то бросил ее и никогда не воспитывал, все, кто придут за ней, будут считать мораль своим главным доводом, обвинять ее в кровных узах, подавлять ее сыновней почтительностью, и даже префектура правительства встанет на их сторону.

В своей предыдущей жизни она уже видела истинное лицо этих людей. Если ей придется жить снова, она поклялась не идти на компромисс, даже если ей придется умереть еще раз.

Что за чушь, что долг жизни больше неба!

Какую услугу она оказала людям, которые строили против нее козни и намеревались причинить ей вред?

Инбао закрыла глаза, и ее сознание мгновенно перенеслось в пещеру.

Это была ее территория, волшебное место, которое она случайно обнаружила в своей прошлой жизни, таинственная пещера.

Пещера была размером около десяти квадратных футов, с большим миндалевидным бассейном посередине, занимавшим около шести или семи десятых пещеры.

Вода в бассейне была прозрачной, сладкой и слегка голубой. В середине бассейна находился большой сферический объект, излучающий золотистый свет, как солнце.

Это было совсем не похоже на пещеру в ее предыдущей жизни.

Она вспомнила, как в восемнадцать лет сбежала из резиденции командующего армией, переодевшись нищенкой и прячась повсюду.

Однажды она дрожала в нише статуи в полуразрушенном храме. В храме был сквозняк и холод пробирал до костей.

Она была в лихорадке и в некотором бреду. В ее бреду мелькали картины, сознание внезапно вошло в эту странную пещеру.

В то время в пещере не было ничего, кроме толстого льда, и ей показалось, что она провалилась в ледяную прорубь.

Неожиданно, в этом возрождении, лед в пещере растаял и исчез. В пещере был дополнительный бассейн, и в центре бассейна была светящаяся сфера. Это выглядело необычайно на первый взгляд.

Инбао подошла к краю бассейна и закопала семена яблок, которые она принесла вчера, в мягкую черную почву возле бассейна.

Эта черная почва шириной в три фута окружала бассейн. На первый взгляд казалось, что кто-то провел кистью по бассейну черную подводку для глаз.

Это странное место идеально соответствовало описанию таинственных пещер в сказках.

Поэтому Инбао захотела проверить, действительно ли эта черная почва, как ее описывают в сказках, обладает магическими свойствами и способна ли она выращивать все, что на ней посажено.

Если однажды из этого дерева действительно вырастет яблоня, то в будущем ее семья сможет есть большие, сладкие яблоки.

Закопав семена и несколько раз полив их, сознание Инбао начало затуманиваться, и вскоре она уснула.

Когда она снова открыла глаза, то обнаружила, что находится в доме акушерки, которая измеряет пульс ее матери.

Чжан-акушерке было за семьдесят, ее белые волосы были аккуратно завязаны сзади. В ее пучок была вставлена серебряная шпилька, кисточка на головке шпильки слегка покачивалась в такт ее движениям.

Говорили, что эта старая женщина в молодости работала в окружном правительственном офисе, выполняя работу акушерки. Позже, когда она стала старше, она вернулась в свой родной город, чтобы выйти на пенсию.

Она была очень искусна в ведении беременности и родов, а также в лечении некоторых сложных заболеваний у женщин, поэтому многие люди уважали ее и обращались к ней за лечением.

«Как дела?» — не мог не спросить Цзян Саньлан.

Акушерка Чжан отпустила свои пальцы, измеряющие пульс, и повернулась с улыбкой: «Поздравляю, у вашей жены счастливый пульс. Она примерно на третьем месяце беременности».

«А? Серьёзно? Ты ведь не шутишь со мной, да?» — Цзян Саньлан говорил взволнованно и бессвязно, несколько недоверчиво.

«Разве я буду шутить по этому поводу?» Акушерка встала с улыбкой, достала стетоскоп из своей медицинской коробки и сказала жене семьи Сюй: «Третья госпожа, следуйте за мной. Я позволю вам послушать дыхание ребенка».

«О», — жена Сюй встала, взглянула на мужа и последовала за акушеркой в заднюю комнату.

Вскоре появилась акушерка, веселая, и сказала: «О, Саньланг, твоя жена носит близнецов».

«А?» — воскликнул Цзян Саньлан с удивлением. «Это... это действительно близнецы?»

«Да». Акушерка убрала стетоскоп и, бросив взгляд на Цзян Саньлана, тихим голосом посоветовала ему: «Вашей жене почти тридцать, не так ли? И поскольку это ее первая

беременность, вам следует принять дополнительные меры предосторожности».

«Да, да». Цзян Саньлан еще больше забеспокоился, заикаясь: «Ну... какие меры предосторожности мне следует предпринять? Что... Что мне следует сделать?»

Акушерка вытерла руки тряпкой и, увидев, что женщина из семьи Сюй закончила приводить в порядок свою одежду и выходит из внутренней комнаты, продолжила: «Пусть твоя жена хорошо питается, включая мясо и яйца, и не напрягает себя тяжелыми обязанностями. Когда она будет на седьмом или восьмом месяце, она должна есть меньше риса и больше овощей, чтобы облегчить роды».

«О, понятно», — поспешно подтвердил Цзян Саньлан.

«И помните, когда она будет близка к полному сроку, найдите компетентную акушерку заблаговременно. Не откладывайте это до тех пор, пока не станет слишком поздно. Двойняшки — это совсем другое дело, чем один ребенок, вы не должны быть беспечны», — предупредила акушерка, ее тон был торжественным и серьезным.

«Да, да!» Цзян Саньлан горячо кивнул головой в знак согласия.

Покинув жилище акушерки, Цзян Саньлан все еще был несколько ошеломлен. Неся одну дочь на одной руке, он держал руку жены другой и тихо говорил: «Пойдем купим два фунта коричневого сахара и отмерим немного риса, чтобы приготовить тебе кашу».

К сожалению, сегодня рынка не было, а мясные лавки в городе закрылись рано; в противном случае он мог бы купить свинины домой.

«Рис дорогой, у нас дома осталось совсем немного денег. Давайте не будем тратить их понапрасну». Чуньян проворчала: «Это только начало весны, до сбора урожая еще несколько месяцев».

Цзян Саньлан сочувственно посмотрел на жену и успокоил ее: «Не волнуйся, как только мы закончим сев полей, я поеду в уезд искать работу. Я уверен, что смогу что-нибудь найти».

«Это не так просто», — вздохнула Чуньян. «Округ очень далеко. Где ты остановишься? Ты будешь спать в полуразрушенном храме, как в прошлый раз?»

В прошлом году после сбора урожая Санланг и еще двое жителей деревни отправились в уезд в поисках работы. Они ничего не смогли найти и были едва не забиты до смерти бандой местных хулиганов.

Племяннику Чэнь Цуньчжэна пришлось хуже всего: он и по сей день не может выполнять тяжелую работу.

Цзян Саньлан почесал голову: «Нам определенно нужно купить рис и коричневый сахар. Акушерка сказала, что тебе следует есть хорошую питательную пищу... А когда мы вернемся домой, мы сможем зарезать одну из наших старых кур, чтобы сварить суп».

«У нас осталось всего две курицы, и они уже несут яйца. Мы не можем позволить себе забить одну».

Жена семьи Сюй прервала бессвязную болтовню мужа: «Что будет есть Тяньтянь без кур, несущих яйца?»

«Ах да, хе-хе-хе, Тяньтяню действительно нужно есть яичный заварной крем каждый день, я забыл». Цзян Саньлан почесал голову и глупо рассмеялся.

Тяньтянь тоже моргнула, пребывая в растерянности.

Их дом был бедным, состоял из трех соломенных хижин и маленькой кухни, окруженной бамбуковым забором. Как и в их предыдущей жизни, в доме почти не было мебели.

Что касается еды, то ее у них было вдоволь.

Однажды она заглянула в банку, где они хранили еду. Там был только тонкий слой пшеницы.

Даже от наименее аппетитного проса у них оставалось всего около одного стоуна, как раз достаточно, чтобы прокормить семью до сбора урожая.

Две курицы дома, вероятно, были сейчас их самым ценным имуществом.

Будучи маленькой и хрупкой, со слабыми ногами и проблемами с речью, она не могла помогать родителям и зависела от них в плане ухода за ней.

Тяньтянь была обеспокоена, ее маленькое личико сморщилось от беспокойства.

Ее мать была беременна ее братом и нуждалась в большем питании. Как она могла есть только пшеницу и просо?

Внезапно в ее голове мелькнула идея.

Разве не было реки к западу от деревни? Несмотря на сильное течение, в реке водилась рыба.

«Папочка, рыбалочка!» — решила она намекнуть своему любящему отцу.

Без мяса мама может есть рыбу.

Если бы они могли одолжить рыболовную сеть, они бы смогли поймать немного рыбы и креветок.

<http://tl.rulate.ru/book/114931/4455861>